
ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

РОЛЬ И МЕСТО ИНСТИТУТОВ ТРАДИЦИОННОГО ОБЩЕСТВА В ЭПОХУ СОЦИАЛЬНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ В РОССИИ НАЧАЛА XXI В.

Д.В. Юрков

Кафедра государственного и муниципального управления
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10–2, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена проблеме взаимодействия и взаимовлияния модернизационных процессов, происходящих в современном российском обществе, и традиционных социальных институтов, сохраняющихся у ряда народов России. Модернизация и традиция, вне всяких сомнений, противопоставлены друг другу, однако характер их взаимодействия представляется более многообразным и сложным, чем простой антагонизм. Институты традиционного социума и другие элементы патриархального общественного уклада выполняют важную социально-регулятивную функцию, способствуют сглаживанию противоречий и разрешению конфликтов, установлению и поддержанию диалога между обществом и властью. По мнению автора, традиционные общественные институты следует рассматривать не как преграду на пути социального прогресса, а как важный регулятивный и адаптивный механизм. Данные вопросы рассмотрены на примерах народов Северного Кавказа и некоторых других регионов Российской Федерации.

Ключевые слова: общество, модернизация, этнос, традиционные ценности, традиционные общественные институты.

На современном этапе развития российского общества тема модернизации страны, несмотря на огромное внимание, уделяемое резкому обострению международно-политической обстановки в связи с вооруженными противостояниями на Украине и Ближнем Востоке, продолжает оставаться одной из наиболее дискутируемых как во властных структурах, так и в научном и экспертном сообществе, а также в средствах массовой информации. Провозглашение модернизации России стратегической задачей политическо-

го руководства государства произошло в начале 2011 г., когда Президент Российской Федерации Д.А. Медведев в своем выступлении перед участниками Всемирного экономического форума в Давосе изложил программу модернизации страны, сформулированную им в десяти пунктах [1]. В течение последующего года был разработан и утвержден ряд концептуальных документов, отражающих видение российским руководством задач в области модернизации, в том числе Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. и Стратегия инновационного развития Российской Федерации до 2020 г., а 18 июня 2012 г. был образован Совет по модернизации экономики и инновационному развитию России при Президенте Российской Федерации [6. С. 218]. После состоявшегося в 2012 г. избрания на пост главы государства В.В. Путина и последовавшего назначения Д.А. Медведева на должность председателя Правительства Российской Федерации стратегический курс на модернизацию российской экономики и социальной сферы был сохранен.

Следует отметить, что под самим понятием «модернизация» в современной России в первую очередь подразумевается переход отечественной экономики от господства добывающей промышленности и экспорта природных ресурсов, главным образом углеводородного сырья, к доминированию в структуре производства наукоемких отраслей, то есть проблема модернизации рассматривается преимущественно сквозь призму экономического и научно-технического развития.

Вместе с тем, по справедливому определению В.И. Костина и А.В. Костиной, «модернизация – это, прежде всего, *развитие социальных институтов* [курсив мой. – авт.], связанное с инновационным развитием не только в технологической сфере, но и в сфере человека и общества» [6. С. 219].

В этой связи значительный исследовательский интерес представляет анализ специфики модернизационных процессов, происходящих в современном российском обществе, важнейшими особенностями которого являются его полиэтничный состав, культурная и религиозная разнородность. Общеизвестно, что у различных народов России в разной степени проявляется влияние традиционных ценностей на социальное поведение представителей этих народов. С учетом данного обстоятельства, а также того, что «именно традиционности и противостоит модернизация» [6. С. 220], предметом настоящей статьи является изучение места и роли традиционных общественных институтов в жизни народов России в эпоху модернизации.

Несмотря на то, что, по мнению отечественного философа и культуролога С.Н. Гаврова, с конца XX в. «намечился переход от преобладающего усвоения общинных, коммунитарных ценностей к ценностям индивидуализма», а «модернизация в России по ряду важнейших направлений, в том числе урбанизации, индустриализации, демографического перехода во многом уже состоялась» [2], российское общество сохраняет весьма существенные элементы традиционализма.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что у различных народов России традиционные общественные институты и нормы социального поведения, характерные для традиционного общества, сохраняются в разной степени. В настоящее время традиционные духовные ценности, общественные установления и нормы поведения наиболее целостно сохраняются у народов Северного Кавказа, что, в свою очередь, обуславливает сохранение в северокавказских социумах институтов, характерных для традиционного, патриархального общества. Так, например, в силу исторических причин многие элементы организации социума, характерные для обществ военной демократии, сохранил чеченский этнос [5. С. 9].

Даже в советский период, отмеченный жесткой и последовательной борьбой с «пережитками прошлого», или, говоря словами персонажа известной кинокомедии второй половины 1960-х гг., с «дедушкиными обычаями и бабушкиными обрядами», тесно смыкавшейся с воинствующей атеистической пропагандой, нормы общественной морали, основанные на адате – обычном праве горских народов, и традиционные социальные институты сохраняли важное место в жизни народов Северного Кавказа, причем с данным обстоятельством было вынуждено считаться партийно-политическое руководство на местах. Так, академик В.А. Тишков отмечает, что в 1980-е гг. в Чечено-Ингушской АССР «сохранялись традиции кровной мести, и при местном обкоме партии даже действовала общественная комиссия по примирению кровников» [11. С. 125–126], а общественные советы старейшин при административных органах различного уровня функционировали в ЧИАССР с 1960-х гг. [11. С. 297]. В сфере внутрисемейного общения у современных чеченцев «характерной чертой является прежде всего типичное для культуры кавказских народов почитание старших, уважительное отношение к родителям» [11. С. 304].

В свою очередь, в Северной Осетии «заметно сохранилась взаимовыручка соседей в домашнем быту», которая «более всего ... проявляется при крупных событиях в жизни семьи» – свадьбах, похоронах, поминках, а также «при стихийных бедствиях» [3. С. 171]. Также определенное значение в современном осетинском обществе сохраняют квазиродственные связи: по данным этносоциологических исследований, проведенных в Северной Осетии в 1997 г., свыше 60% респондентов продолжают считать родственником человека, давшего имя их ребенку, а около 80% признают родственную связь со свадебным дружкой, причем, по наблюдениям доктора социологических наук Х.В. Дзуцева, городская среда и образование играют в данных ситуациях скорее стимулирующую, нежели противопоставляющую роль [3. С. 186].

И все же, по нашему мнению, на современном этапе среди народов Северного Кавказа наиболее значимое место традиционные социальные институты занимают в жизни чеченского этноса. По мнению И. Задворнова и А. Халмухамедова, «чеченское общество можно структурировать по следующим признакам: этносоциальному; этноконфессиональному; этнотерриториальному» [4. С. 29].

Так, основой этносоциальной структуры чеченского общества являются тейпы – родоплеменные организации, состоящие из нескольких родовых общин и ведущих свое происхождение от конкретного общего предка, легендарного либо вполне историчного, и тукхумы – объединения групп тейпов. Главы тейпов – родовые старейшины – вплоть до настоящего времени пользуются высоким авторитетом в чеченском обществе [4. С. 29]. Наиболее рельефно социально-регулятивная роль института родовых старейшин проявляется в ситуациях, связанных с примирением конфликтующих сторон.

В свою очередь, этноконфессиональная структура базируется на принадлежности чеченцев к тому или иному *вирду* [здесь и далее курсив мой. – авт.] – суфийскому ордену или братству, во главе которого находится *устаз* – высокий духовный авторитет, рассматриваемый своими *мюридами*, то есть членами вирда, в качестве святого. Считается, что быть членом определенного вирда и иметь своего устаза обязан каждый чеченец [4. С. 29–30; 11. С. 166]. Следует отметить, что под традиционным не только для чеченцев, но и для других мусульманских народов Восточного Кавказа (ингушей, народов Дагестана) исламом понимается именно суфийский ислам в его исторически сложившемся специфически кавказском варианте.

Наконец, в основе этнотерриториальной структуры лежат *купы* – неформальные «десятки» проживающих по соседству сельских семей, связанных, в первую очередь, взаимопомощью в решении возникающих проблем. Лидеры купов – наиболее авторитетные жители села – избирают из своей среды неофициального главу села [4. С. 30].

Необходимо подчеркнуть, что все перечисленные выше традиционные социальные институты представляют собой реалии современного чеченского общества и сохраняют важное социально-регулятивное значение. Весьма интересен также тот очевидный факт, что сами представители чеченского этноса не видят противоречий между приверженностью традиционным общественным устоям, с одной стороны и, например, стремлением получить образование в престижных высших учебных заведениях России и зарубежных стран, сделать карьеру на государственной службе (при этом особым престижем пользуется работа в органах прокуратуры, следственного комитета и других правоохранительных органах), добиться успехов в бизнесе, в том числе в крупных российских городах, в регионах, находящихся далеко за пределами Чеченской Республики, – с другой.

Таким образом, по нашему мнению, вполне допустимо говорить о значительно более сложном, нежели антагонистическое противостояние, характере взаимодействия между происходящими в современном российском обществе модернизационными процессами и сохраняющимися в ряде субъектов и у ряда народов Российской Федерации традиционными социальными институтами. Представляется абсолютно неуместным сводить проблему к призывам изживать традицию как нечто косное и темное, стоящее на пути социальной модернизации и технико-экономического прогресса. «Политология,

как правило, рассматривает сохранение пережитков патриархального общества в современном мире весьма негативно. Считается, что они препятствуют демократизации, консолидации, адаптации и т.д. – писал Вяч. П. Литвинов, исследовавший схожую проблематику на примерах современных государств Центральной Азии, – С этим можно согласиться лишь отчасти. На наш взгляд, пережитки патриархального общества существуют и в самых развитых странах – например, в ... Шотландии кланы и по сей день играют весьма значительную роль...» [7. С. 466–467]. По нашему мнению, следует говорить об определенном и весьма значительном взаимопроникновении и, безусловно, взаимовлиянии модернизационных и архаичных явлений в социально-политической действительности и социально-экономических процессах, характер и специфика которого заслуживают отдельного пристального внимания специалистов.

Рассматривая вопрос о месте и роли традиции в эпоху модернизации, следует также обратиться и к такому значимому аспекту, как политико-правовая институционализация тех самых «реликтов патриархального общества» на региональном уровне. Так, в ряде субъектов Российской Федерации созданы советы старейшин – общественные организации, отвечающие за взаимодействие институтов традиционного общества с региональными органами государственной власти.

Например, в Республике Ингушетия Совет тейпов и комитет старейшин осуществляют деятельность по улаживанию конфликтных ситуаций и примирению враждующих фамилий. Главой республики проводятся регулярные встречи с членами Совета как с наиболее авторитетными представителями республиканской общественности [8]. В свою очередь, в Республике Адыгея (РА), согласно указу президента РА от 24 июня 1997 г. № 179, Совету старейшин присвоен статус консультативного органа при главе региона, а «состав Совета формируется из числа наиболее уважаемых и авторитетных представителей старшего поколения Республики Адыгея по рекомендациям глав муниципальных образований, представительных органов местного самоуправления, общественных организаций и объединений ветеранов войны и труда, национально-культурных объединений Республики Адыгея, иных общественных организаций и объединений...» [9].

Здесь нельзя не отметить очевидные и весьма существенные различия в принципах формирования советов в двух республиках: если в Республике Ингушетия в состав Совета тейпов и комитета старейшин входят собственно *родовые* [курсив мой. – авт.] старейшины, и легитимация их общественного статуса происходит, в первую очередь, непосредственно со стороны жителей региона, то в Республике Адыгея в выдвижении кандидатов в состав Совета старейшин участвуют органы местного самоуправления и общественные организации, а само выдвижение основывается скорее на общем для народов Северного Кавказа обычае почитания старших, нежели на принципе представительства конкретных родовых групп. Данное обстоятельство свидетель-

ствуется, на наш взгляд, о значительно большем, в сравнении с Республикой Адыгеей, влиянии традиционных общественных институтов, в данном случае – родовых, на социально-политическую ситуацию в Ингушетии и в целом о различной степени сохранения элементов патриархального уклада у разных народов Северного Кавказа.

Необходимо отметить, что институты традиционного общества в настоящее время сильны не только на Северном Кавказе – позиция родовых старейшин является значимым аргументом в местной политике и в других национальных республиках. Так, по сообщениям российской прессы из Республики Алтай, в регионе набирает силу инициатива Совета старейшин, объединяющего зайсанов (глав) алтайских родов, по преданию земле мумии так называемой «принцессы Укока», найденной отечественными археологами в ходе раскопок на могильнике Ак-Алаха (плоскогорье Укок) в 1993 г. и в настоящее время находящейся в Национальном музее Горно-Алтайска. Отличная сохранность мумии и обнаруженных в захоронении предметов материальной культуры делает ее поистине уникальной находкой, имеющей огромное научное значение.

Однако согласно традиционным верованиям алтайского народа, «принцесса Укока», или Ак-Кадын (Белая Госпожа), стоит на страже врат подземного мира, не допуская проникновения сил зла в мир людей, а природные катаклизмы, обрушившиеся на регион в последнее десятилетие, приверженцы алтайской религии считают следствием «нарушения покоя» древнего захоронения. Общественная дискуссия по вопросу определения дальнейшей судьбы ценнейшей находки археологов не утихает. В 2014 г. требование старейшин Горного Алтая о захоронении мумии было поддержано главой Республики Алтай [10].

Итак, в настоящей статье была предпринята попытка рассмотрения некоторых вопросов относительно места и роли традиционных социальных институтов и других элементов патриархального уклада в жизни народов Российской Федерации на современном этапе развития многонационального российского общества. Очевидно, что модернизационные процессы объективно противопоставлены традиции, и наоборот.

Так, позиция старейшин алтайского народа, настаивающих на захоронении древней мумии, входит в острое противоречие с интересами передовой науки. Вместе с тем, учитывая этнокультурное и религиозное многообразие российского социума, сложность и неоднозначность исторического процесса его складывания, следует признать важное значение традиционных институтов в поддержании баланса интересов ключевых общественно-политических сил в ряде регионов, осуществлении диалога между властью и обществом, сглаживании межгрупповых противоречий. Кроме того, сохраняющиеся в настоящее время институты традиционного общества, благодаря которым вековые обычаи, традиции и устои представляют собой часть живой повседневной действительности, а не утраченные объекты нематериальной куль-

туры, являются, на наш взгляд, лучшими хранителями богатого и многообразного культурного наследия народов России, во многом определяющего цивилизационную уникальность страны.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Ведомости. 26 января 2011 года.
- [2] *Гавров С.Н.* Социокультурная традиция и модернизация российского общества. URL: <http://www.bibliotekar.ru/gavrov-1/4.htm>.
- [3] *Дзуцев Х.В.* Эволюция осетинской семьи и межсемейных отношений. Этносоциологический анализ. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001.
- [4] *Задворнов И., Халмухамедов А.* Тейпы и тукхумы // Родина. 2000. № 1–2.
- [5] *Искандерян А.* Чеченский кризис: провал российской политики на Кавказе. М., 1995.
- [6] *Костин В.И., Костина А.В.* Национальная безопасность современной России: экономические и социокультурные аспекты. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013.
- [7] *Литвинов Вяч.П.* Реликты патриархального общества и проблемы демократизации в государствах Центральной Азии (на примере Кыргызстана) // Образ жизни в России: история и современность. Материалы IX Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. М.: РУДН, 2007. С. 463–472.
- [8] Официальный сайт Республики Ингушетия. URL: <http://www.ingushetia.ru/m-news/archives/016972.shtml>.
- [9] Официальный сайт Республики Адыгея. URL: http://adygea.news-city.info/docs/sistemst/dok_oeglk.htm.
- [10] Старейшины Горного Алтая решили захоронить мумию принцессы Укока // Официальный сайт РКБ. URL: <http://www.rbc.ru/rbcfreenews/20140819135333.shtml>
- [11] *Тишков В.А.* Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны). М.: Наука, 2001.

REFERENCES

- [1] Vedomosti. 26 janvarja 2011 goda.
- [2] *Gavrov S.N.* Sociokul'turnaja tradicija i modernizacija rossijskogo obshhestva. URL: <http://www.bibliotekar.ru/gavrov-1/4.htm>.
- [3] *Dzucev H.V.* Jevoljucija osetinskoj sem'i i mezhsemejnyh otnoshenij. Jetnosociologicheskij analiz. M.: «Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija» (ROSSPJeN), 2001.
- [4] *Zadvornov I., Halmuhamedov A.* Tejpy i tukhумы // Rodina. 2000. № 1–2
- [5] *Iskanderjan A.* Chechenskij krizis: proval rossijskoj politiki na Kavkaze. – M., 1995.
- [6] *Kostin V.I., Kostina A.V.* Nacional'naja bezopasnost' sovremennoj Rossii: jekonomicheskie i sociokul'turnye aspekty. M.: Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2013.
- [7] *Litvinov Vjach.P.* Relikty patriarhal'nogo obshhestva i problemy demokratizacii v gosudarstvah Central'noj Azii (na primere Kyrgyzstana) // Obraz zhizni v Rossii: istorija i sovremennost'. Materialy IX Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii studentov, aspirantov i molodyh uchenyh. M.: RUDN, 2007. S. 463–472.
- [8] Oficial'nyj sajт Respubliki Ingushetija. URL: <http://www.ingushetia.ru/m-news/archives/016972.shtml>.

- [9] Oficial'nyj sajt Respubliki Adygeja. URL: http://adygea.news-city.info/docs/sistemst/dok_oglkb.htm.
- [10] Starejshiny Gornogo Altaja reshili zahoronit' mumiju princessy Ukoka // Oficial'nyj sajt RKB. URL: <http://www.rbc.ru/rbcfreenews/20140819135333.shtml>.
- [11] *Tishkov V.A.* Obshhestvo v vooruzhennom konflikte (jetnografija chechenskoj vojny). M.: Nauka, 2001.

THE ROLE AND PLACE OF TRADITIONAL SOCIAL INSTITUTES IN THE TIME OF SOCIAL MODERNIZATION IN RUSSIA IN THE EARLY 21st CENTURY

Dmitry V. Yurkov

Peoples' Friendship University of Russia
Department of Public Administration
Miklukho-Maklaya st., 10–2, Moscow, Russia, 117198

The article is devoted to the problem of interaction and mutual influence between modernization processes in contemporary Russian society and traditional social institutions of some Nations of Russian Federation. No doubt modernization and tradition oppose each other, but the nature of their interaction seems much more difficult and diverse than simple antagonism. The institutes of traditional society and other elements of patriarchal social order implement the important function of social regulation. Also these institutions reduce contradictions and resolve conflicts, they contribute the establishing and maintaining of the dialogue between the public authorities and society. According to the author, the traditional social institutions are to be considered not as an obstacle in the way of progress, but as an important regulatory and adaptive mechanism. These issues are considered by the examples of the nations of the Northern Caucasus and some other regions of Russian Federation.

Key words: society, modernization, ethnic group, traditional values, traditional social institutions.